

2019-3
13229 а

Г.Д. ЧЕСНОКОВ

**УЧЕНИЕ К. МАРКСА ВСЕСИЛЬНО,
ПОТОМУ ЧТО ОНО ВЕРНО**

Москва

2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
РАЗДЕЛ I. ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА	9
Глава 1. От правоверного гегельянца к созданию материалистической концепции истории (к анализу работы К. Маркса «К критике гегелевской философии права»).....	9
Глава 2. К вопросу формирования философии марксизма.....	466
Глава 3. Ф. Энгельс и его труд «Положение рабочего класса в Англии». 711	
Глава 4. К. Маркс о проблеме исторической личности в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта».....	103
Глава 5. Дальнейшее развитие К. Марксом теории исторического материализма на опыте Парижской коммуны 1871 г.	121
Глава 6. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса – классика марксистской литературы.....	139
1. Экономическое учение К. Маркса.....	139
2. Философия марксизма	167
3. Социализм: от утопии к науке.....	205
Глава 7. Материалистическая концепция истории – «коперников переворот» в философии	228
РАЗДЕЛ II. РАЗВИТИЕ РУССКИМИ УЧЕНИКАМИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА	243
Глава 1. Г.В. Плеханов о материалистических воззрениях К. Маркса и Ф. Энгельса на историю.....	243
Глава 2. Социально-философский анализ империализма В.И. Лениным. 262	
Глава 3. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и некоторые вопросы исторического материализма.....	310
РАЗДЕЛ III. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ МАРКСА И КРИТИКА «НАШИХ КРИТИКОВ».....	348
Глава 1. Материалистическая концепция истории (Современная дискуссия).....	348
Глава 2. Еще одна попытка ревизии марксизма	368
Глава 3. Исторический материализм и «социальная философия»	376
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	441

РАЗДЕЛ II. РАЗВИТИЕ РУССКИМИ УЧЕНИКАМИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Глава 1. Г.В. Плеханов о материалистических воззрениях К. Маркса и Ф. Энгельса на историю

На первый взгляд мы как будто нарушаем хронологию событий, обращаясь к плехановским работам XIX столетия после того, как успели познакомиться с трудами Г.В. Плеханова, относящиеся к первому десятилетию XX в., но мы делаем это вполне осмысленно. Напомним, что Ф. Энгельс, выступая на могиле К. Маркса, охарактеризовал материалистическую концепцию истории как одно из двух величайших научных открытий, которым человечество обязано К. Марксу. Между тем после ухода из жизни еще и Ф. Энгельса материалистическая концепция истории стала непрерывно подвергаться серьезным извращениям как со стороны откровенно буржуазных обществоведов, так, что, пожалуй, было много опаснее, теми, кто осмеливался именовать себя «учениками» К. Маркса.

Борьба с марксовой материалистической концепцией истории и в то время, и по сей день велась и ведется, что в общем-то не удивительно, одними и теми же «научными» аргументами. Первый из них, который идеалисты постоянно использовали против материализма в прошлом, сводится к утверждению, что общественное бытие не может ни зависеть от общественного сознания, иначе говоря, от философских, религиозных, политических, правовых и других взглядов и идей. С появлением оппортунизма для критики материалистической концепции истории К. Маркса чаще стал применяться другой «сильный» аргумент. Утверждалось, будто бы материалистический взгляд на историю строится на признании действия одного единственного общественного фактора – экономики. Из этого оппортунистами делался вывод, будто бы марксов исторический материализм является разновидностью «экономического детерминизма».

Указанный вывод могли сделать люди, до конца не понявшие, в чем состоит отличие марксова диалектического материализма от материализма вульгарного. И в «Немецкой идеологии» и в «Предисловии к критике политэкономии» создатели исторического материализма связывали свою концепцию истории с признанием вторичности общественного сознания по отношению к общественному бытию. Г.В. Плеханов во всех своих работах, если в них только заходила речь о материализме в истории, не уставал разъяснять, что никакого другого смысла концепция материализма в понимании истории в себе не содержит. Другая важная идея, проходящая красной нитью через все философско-исторические труды Г.В. Плеханова, составляет его мысль о **материалистическом монизме**. В своей работе «О материалистическом понимании истории» Г.В. Плеханов прозорливо отметил, что роль экономического фактора в историческом развитии могут

признавать не только сторонники исторического материализма К. Маркса, но и люди, остающиеся безусловными идеалистами в понимании истории. «*Экономический материализм, – подчеркивал Плеханов, – еще не исключает исторического идеализма. Да и это еще не совсем точно; мы говорим – еще не исключает идеализма, а следует сказать: может быть и до сих пор чаще всего бывал простою его разновидностью*»¹.

Для Плеханова материалистическая концепция истории есть целостная и притом последовательная концепция, которую нельзя сводить к простой сумме составляющих. Между тем критики К. Маркса и прежде всего его концепции истории уверяли, что материализм в истории – это, несомненно, односторонность, которой надо стараться не допускать. Между тем односторонним материализм Маркса явился бы только в том случае, если бы вся общественная жизнь людей сводилась им к одним лишь производственным (экономическим) отношениям. Но для К. Маркса производственные отношения – это отнюдь не все общество, а лишь его фундамент. Помимо этого производственного фундамента в обществе индивидов связывают многообразные духовные отношения (нравственные, правовые, политические, религиозные и т. д.), которые с течением времени меняются подобно тому, как непрерывно меняются их экономические отношения. Из сказанного напрашивается вывод, что застывшего состояния в обществе не бывает. Общество непрерывно изменяется, но начала всех изменений лежат в сфере экономики.

Итак, общество изменяется пусть не сразу и не целиком, но, тем не менее, эти изменения рано или поздно захватят все общество от базиса до надстройки. Такого положения, чтобы одна часть общества функционировала по одним общественным законам, в то время как другая или другие по другим быть не может по той простой причине, что общество представляет собой единый социальный организм, а не некий агрегат, составленный из ряда независимых один от другого механизмов. Одним словом, общество являет собой целостный, непрерывно развивающийся организм, причину развития которого следует искать внутри его самого, а не привносить в общество извне. Заслуга К. Маркса перед научным общественным сознанием состояла в том, что он поначалу верно предположил, что то, без чего общество никогда бы не возникло, – явилась производственная деятельность людей. Труд и только он способствовал превращению обезьяны в человека, а материально-производственная деятельность людей привела к возникновению особого социального организма, которого в девственной природе не существовало. Речь в данном случае идет о сообществе людей, объединенных между собой в целях успешного их воздействия на окружающую природу материально-производственными отношениями.

Марксов материалистический взгляд на общество напрямую связан с признанием того, что каждый существовавший в истории социальный организм вырабатывал для себя свой особый способ воздействия на

окружающую человека природу с целью возвыситься над ней. Если животные приспособляются к природе и берут из нее в готовом виде то, что она уже до того создала, то человек преимущественно не пользуется готовым продуктом природы, но создает его сам, перерабатывая с этой целью то, что имелось в природе в виде сырого материала.

В работе Плеханова «О материалистическом понимании истории» главная мысль автора, которую он не пытался выставлять на показ, но она в ней подспудно постоянно присутствует, состоит в том, чтобы объяснить читателю, каким образом общество не просто сумело выделиться из природы, но как его выделение позволило обеспечить обществу все его дальнейшее развитие. Для марксиста саморазвитие общества обусловлено тем, что общественная жизнь не может стоять на одном месте. Социальная жизнь человека есть непрерывное стремление людей удовлетворять свои растущие потребности, а чтобы это происходило, общество должно накапливать и совершенствовать имеющиеся в его распоряжении производительные силы.

Материализм в понимании истории есть распространение материалистического взгляда с Природы на Историю, осознание того, что выделение общества из Природы привело к появлению новой, дотоле не существовавшей, **социальной** формы движения материи.

Изучение богатого плехановского наследия, к сожалению, не получило в советское время должного развития, и виной тому явились известные разногласия Г.В. Плеханова с В.И. Лениным по вопросу тактики действий российской социал-демократии в предстоящей в стране буржуазно-демократической революции. На наш взгляд, меньшевизм Плеханова был обусловлен излишней приверженностью автора к классической (европейской) модели развития капитализма, когда, оставаясь еще революционным классом, буржуазия при этом выражала стремление всех без исключения слоев старого общества к устранению в Европе абсолютистских режимов. В России начала XX в. ситуация оказалась принципиально отличной от той, которая привела к победе буржуазных революций на Западе. В стране, где к тому времени утвердился новый капиталистический уклад, сохранялись значительные пережитки докапиталистических отношений. Г.В. Плеханов ясно видел, что в экономике Российской империи назрел глубокий конфликт между обществом и самодержавной властью, но его разрешение виделось ему в использовании тех же средств, которые применяла рвущаяся к власти европейская буржуазия в ходе буржуазных революций на Западе. Русскую буржуазию, несмотря на резкую критику им лидера П. Струве и других ее лидеров, Плеханов считал по-прежнему революционной силой, тогда как многомиллионное русское крестьянство ему представлялось классом, склонным поддержать монархию. Мы, вслед за В.И. Лениным, оцениваем позицию Плеханова в русском революционном движении начала XX в. как ошибочную и все сегодняшние разговоры о том, что большевикам будто бы не следовало брать в руки власть в Октябре 1917 г. как теоретическое недопонимание того закономерного следования

¹ Плеханов Г.В. Собр. соч. Т. 8. С. 241.

хода общественного развития, который в разных странах по-разному приводит к революциям. Нынешние российские либералы (теперь им этого не нужно скрывать) все семьдесят лет существования советской власти в нашей стране, независимо от того покинули они до этого страну или остались в ней, мечтали об одном – взять реванш за поражение в октябре 1917 г. До сих пор они продолжают твердить, что революцию совершили одни большевики. Но революцию в России совершал **народ**, что, будучи честным человеком, Г.В. Плеханов прекрасно понимал, к стати и тогда, когда она свершилась, т. е. в октябре 1917 г. Именно поэтому на все обращенные к нему призыву контрреволюционеров принять участие в вооруженной борьбе с большевиками, Плеханов всякий раз отвечал им решительным **отказом**.

Перестройка, представлявшая собой на деле не стремление исправить допущенные в прошлом ошибки, а замену марксистских ценностей на либеральные, породила массу «теоретической» макулатуры, заполнявшей в конце 80-х гг. XX в. полки книжных магазинов, страницы выходных изданий газет и журналов, каковыми бы ни были их названия. Самое неприятное во всем этом то, что грубейшее извращение исторических фактов превратилось с того времени в норму жизни нынешнего постсоветского общества. Клевета на советский общественный строй не только не останавливалась, она росла как снежный ком, ибо явно поощрялась сверху. Извращение фактов отечественной истории коснулось и личности Георгия Валентиновича Плеханова. Перед нами словарь «Русская философия», выпущенный в 1999 г., в котором, разумеется, что в общем-то вполне естественно, имеется статья о философских и политических взглядах Г.В. Плеханова. Автор статьи – видный отечественный философ, специалист в области русской философии, к сожалению, уже ушедший из жизни профессор, д.ф.н. В.Ф. Пустарнаков. Нам неизвестно, насколько серьезно занимался творчеством Плеханова В.Ф. Пустарнаков, известный нам по другим достаточно хорошим его работам. Похоже, что это делалось им с единственной целью успеть написать статью к моменту выхода словаря в свет. Приходится с сожалением констатировать, что данная статья автора из философского словаря не дает сегодняшним читателям объективного представления о философских и социально-политических воззрениях Плеханова. В.Ф. Пустарнаков, к примеру, удивляет всякого изучавшего творчество Плеханова «шедеврами» наподобие следующего: «Под сильным влиянием М.А. Бакунина у Плеханова сформировалось великое уважение к материалистическому пониманию истории». Иначе говоря, автор статьи о Плеханове допускает, что к материализму в истории Плеханов пришел через теоретика анархизма Бакунина, а не под влиянием самостоятельного изучения трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. «Бакунинская интерпретация материалистического понимания истории в духе "экономического детерминизма", – продолжает В.Ф. Пустарнаков, – предопределила специфическое для Плеханова понимание марксизма». Если все обстоит так, как это изложил В.Ф. Пустарнаков, то Плеханов никогда не был марксистом, ибо как можно стать марксистом, если ты не поднялся над идеей вульгарно-экономической

«экономического детерминизма». А чего стоит такое утверждение проф. Пустарнакова, согласно которому в теории познания Плеханов остался стоять на позициях Л. Фейербаха. Хорошо еще, что автор статьи о Плеханове не додумался сказать, что русские махисты, с которыми, как уже знает читатель, полемизировал Плеханов, являлись большими марксистами, чем выявивший субъективно-идеалистическую природу их философских воззрений Г.В. Плеханов¹. Ознакомившись с этими и подобными им «перлами» нашей сегодняшней философской литературы, поневоле задумаешься, а может и правда не стоило русским революционерам конца XIX в. изучать марксизм. В самом деле, зачем убежденному революционеру было покидать Россию, создавать первую марксистскую группу, переводить на русский язык труды К. Маркса и Ф. Энгельса, если марксиста из Г.В. Плеханова так и не получилось. «Он, – сообщает о Плеханове Пустарнаков, – сформулировал самостоятельную философскую концепцию, расхлывшуюся с философскими посылами основоположников марксизма»². Дальше, как говорится, ехать уже некуда. Плеханов, как мы узнаем, не только не первый русский марксист, ученик и последователь К. Маркса и Ф. Энгельса. Он, как следует из Словаря, борец с марксизмом.

Мы со своей стороны намерены показать, что никакой другой, помимо марксовой, а значит последовательно материалистической философии, в работах Плеханова, если быть объективными в изучении его творчества, обнаружить не удастся, кто бы на себя подобную «исследовательскую» миссию не брал. Вернемся однако к работе Г.В. Плеханова «О материалистическом понимании истории». Она представляет собой авторский очерк, написанный Плехановым по следам прочтения им книги А. Лабриолы «Материалистическая концепция истории». В.Ф. Пустарнаков в своей статье о Плеханове уверял читателей, что взгляды Лабриолы оказали заметное влияние на его (Плеханова) концепцию истории. Мы, внимательно прочтя Плеханова, этого не заметили. В начале своей работы Плеханов отмечает, что он приступал к чтению книги А. Лабриолы с некоторой долей предубеждения. Иначе говоря, Плеханов поначалу опасался, что марксова материалистическая концепция истории могла оказаться искаженной в работе Лабриолы, но он, к своему глубокому удовлетворению, убедился в том, что это не так. О чем это говорит? Это говорит о том, что основные идеи, содержащиеся в книге итальянского профессора, действительно совпали с тем представлением об историческом материализме, к которому сам Плеханов пришел в результате изучения трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. Следовательно, учеником Лабриолы в понимании хода развития человеческой истории Плеханов быть уж никак не мог, ибо он им стал еще до знакомства с книгой Лабриолы. Что же в таком случае интересного нашел Плеханов у Лабриолы? Как следует из чтения работы Плеханова, ему крайне импонировало то, что Лабриола отверг эклектическую теорию факторов,

¹ См.: Русская философия: словарь. М., 1999. С. 381, 382.

² Там же. С. 381.

которая в самом деле несовместима с диалектическим духом материалистической концепции истории К. Маркса. Заметим, что теория факторов появилась не до, а напротив, после того, как Маркс и Энгельс решительно отвергли идеализм в истории. Смысл названной теории состоял в том, чтобы представить теорию факторов за некий чуть ли не третий, т. е. нематериалистический, но и не идеалистический, взгляд на ход развития истории. Плеханов, подобно своим учителям, был глубоко убежден в том, что идея нематериалистического и одновременно неидеалистического подхода к пониманию истории – это если не сознательный обман, то, по крайней мере, самообман. Для него теория факторов доказывает неспособность авторов подобного подхода к истории рассуждать последовательно логически. В самом деле, если признать в качестве причины общественного развития не один, а, допустим, два или того больше факторов, то первый вопрос, который потребует разъяснения, как эти вроде бы независимые один от другого факторы могли появиться? Если их невозможно свести к какому-то одному, из которого появились все остальные, то единственно, что придется допустить, что они возникли под влиянием некой сверхъестественной силы. Но в таком случае мы вынуждены констатировать, что от поиска естественного объяснения причин исторического развития авторы теории факторов просто-напросто отказались.

Плеханов объясняет, что теория факторов могла возникнуть лишь в процессе познания общественным человеком реально существующих сложных общественных структур. «Та или другая разновидность такой теории, – пишет автор, – действительно должна родиться всюду, где люди, интересующиеся явлениями, переходят от простого их созерцания и описания к исследованию существующей между ними связи»¹. Прогресс общественности должен был способствовать росту влияния названной теории на общественное сознание. «Теория факторов, – продолжает Плеханов, – растет, кроме того, вместе с ростом разделения труда в общественных науках. Все отрасли этой науки: этика, политика, политическая экономия и проч. – рассматривают одно и то же: деятельность общественного человека. Но они рассматривают ее каждые со своей особой точки зрения. Г. Михайловский сказал бы, что каждая из них "заведует" особою "струною". Каждая "струна" может быть рассматриваема как фактор общественного развития. И в самом деле, мы можем теперь указать почти столько же факторов, сколько существует отдельных "дисциплин" в общественной науке»².

Так что же представляют из себя эти столь многочисленные факторы общественного развития? На этот вопрос Плеханов отвечает следующим образом: «Социально-исторический фактор есть абстракция, представление о нем возникает путем отвлечения (абстрагирования). Благодаря процессу

абстрагирования, различные стороны общественного *целого* принимают вид обособленных *категорий*, а различные проявления и выражения деятельности общественного человека – мораль, право, экономические формы и проч. – превращаются в нашем уме в особые силы, будто бы вызывающие и обуславливающие эту деятельность, являющиеся ее последними причинами»¹. Но, если мораль, право, политика и другие формы общественного сознания признаются за движущие причины общественного развития, то это значит, перед нами ничто иное как хорошо известный старый идеалистический взгляд на историю, который К. Маркс и Ф. Энгельс признали несостоятельным в их совместной работе «Немецкая идеология» (1846 г.).

Между тем дело не ограничивается тем, что с помощью теории факторов предпринимались очередные попытки вернуть отвергнутый К. Марксом идеализм в общественные науки. Данная теория пытается смотреть на общественно-историческое развитие не как на целостный процесс, а как распадающийся на ряд вполне самостоятельных процессов, в результате чего на смену единой человеческой истории приходят многочисленные, но уже отдельные общественные истории. Отдельно история экономики, общества, его науки, культуры, морали, политики и т. д. Показав, что теория факторов устраняет целостность человеческой истории, Плеханов делает со своей стороны вывод, что материалист в понимании истории никогда не признает научного характера теории факторов. Данная теория ложна в своей основе, а потому, безусловно, враждебна теории исторического материализма. «С точки зрения теории факторов, – этими словами Г.В. Плеханов завершает свою работу "О материалистическом понимании истории", – человеческое общество представляется тяжелой кладью, которую различные "силы" – мораль, право, экономика и т. д. и т. д. – тащат каждая со своей стороны по историческому пути. С точки зрения современного материалистического понимания истории, дело принимает совсем другой вид. Исторические "факторы" оказываются простыми абстракциями, и, когда исчезает их туман, становится ясно, что люди делают не несколько отдельных одна от другой историй – историю права, историю морали, философии и т. д., а *одну* (выделено мной. – Г.Ч.) только историю своих собственных общественных отношений, обуславливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время»².

Следующей, не менее глубокой и исключительно оригинальной марксистской работой Плеханова стоит назвать его работу «О роли личности в истории». В советское время эта работа была хорошо известна не одним только преподавателям общественных дисциплин, но еще и аспирантам и даже студентам.

¹ Плеханов Г.В. Собр. соч. Т. 8. С. 243–244.

² Плеханов Г.В. Собр. соч. Т. 8. С. 243–244.

¹ Там же.

² Плеханов Г.В. Собр. соч. Т. 8. С. 270.

Поскольку материалистическая концепция общественного развития объясняет причины постоянных изменений в обществе прежде всего изменениями общественного производства, в котором занята подавляющая часть членов общества, то со стороны может показаться, будто материалистическая концепция истории, если не игнорирует, то в какой-то степени способна недооценить роль отдельных личностей в истории. Данное умозаключение, разумеется, ошибочно, однако противникам материализма в истории оно представлялось, тем не менее, логичным. Ход их рассуждений строится на следующем силлогизме: если признается, что ход исторического развития определяется объективными историческими законами, то для отдельной личности не остается ничего другого, как смириться с неизбежностью того, что повлиять на ход событий она не может. Плеханов разъясняет, в чем ошибка подобного умозаключения. Антиномия свободы и необходимости возникает оттого, что понятие свободы изначально понимается как исключаящее существование объективной необходимости (закономерности). Между тем в обществе закономерность относится к **деятельности** общественного человека. Иначе говоря, носителем закономерностей здесь выступают люди в своей деятельности, но если это так, то правомерно задаться вопросом: наличие объективных исторических законов предполагает активность отдельных индивидов или исключает? На первый взгляд признание объективной закономерности в истории обрекает человека на пассивность. Как может в самом деле отдельный индивид повлиять на то, что рано или поздно все равно должно свершиться? Плеханов же объясняет, что историческая необходимость возникает в результате объединения усилий всех индивидов данного общества. Но допустим, что кто-то из них решил, что ему не обязательно участвовать в процессе, в котором уже участвует подавляющее большинство членов общества, в этом случае возможно одно из двух: либо того индивида, который принял решение самоустраниться от участия в коллективном действии, заменит другой индивид и в этом случае все произойдет так, как если бы самоустранившийся от участия в коллективной деятельности индивид этого не допустил (ведь вместо человека А его деятельность была бы выполнена кем-то другим, к примеру, человеком В); либо то, что могло произойти в момент X, произойдет несколько позже, в момент Y. Но так или иначе общее направление исторического движения от этого не изменится. Свобода, – повторяет вслед за Гегелем и Марксом Плеханов, – есть осознание людьми того, что их деятельность необходима обществу, а подобное осознание в действительности ведет вовсе не к пассивности, как полагают противники материалистической концепции истории, а, напротив, к тому, что сознание своей нужности для себя и для других вызовет у индивидов дополнительный приток их активности. Иными словами, движение истории, покоящейся на знании объективных исторических законов, не только не лишает человека его активности, но еще и усиливает активность каждого из них, что приведет к несомненному ускорению объективно идущего процесса.

Работа Г.В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» в теоретическом плане повторяет и разъясняет тот тезис, который К. Маркс блестяще обосновал в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» – тезис о решающей роли народных масс в истории. Однако в названной работе Маркс анализировал деятельность достаточно заурядной личности, разве что силой обстоятельств (но никак не в результате случайности) сумевшей подняться на самую вершину власти во Франции середины XIX в. И все-таки президентом страны ему удалось стать только вследствие того, что многочисленное французское крестьянство в ходе всеобщего голосования отдало за него свои голоса, ибо сознание французских крестьян того времени ассоциировало никчемную посредственность с впечатляющим образом его великого дяди – Наполеона Бонапарта. Плеханов в своей работе подробно останавливается на проблеме великой исторической личности, которой до того много занимались идеалисты. Исторический идеализм решающую роль в истории всегда приписывал выдающимся личностям, в то время как материалисты признают такую роль исключительно за народными массами. Плеханов в своей работе убедительно показал, что термин «великая историческая личность» не является некой выдумкой идеалистов. При этом он оценивает деятельность каждой отдельной личности, включая и великих, в том ключе, что движение истории не может направляться действиями исключительно одних отдельных личностей. Ведь всякая личность есть продукт определенного общества или, что то же самое, определенной общественно-экономической формации. Навязать истории свою волю, не будучи поддержанной большинством, ни одна даже самая одаренная личность не в состоянии. Помимо этого сама воля великой личности крепнет и закаляется под влиянием окружающей ее социальной среды. В неблагоприятных условиях великая личность вполне могла бы и не раскрыть себя, а значит не получить поддержки большинства. В отношении великих личностей, – поясняет Плеханов, – очень часто случается своеобразный оптический обман. Ей начинают приписывать то, чего у нее даже не было. Отчего это происходит? Оттого, что, поднявшись на волне великих исторических событий, эти «исторические герои» принимают на себя весь свет, исходящий от протекших великих событий объективной истории. «Личная сила Наполеона, – отмечает Плеханов, – является нам в крайне преувеличенном виде, так как мы относим на ее счет всю ту общественную силу, которая выдвинула и поддержала ее. Она кажется чем-то совершенно исключительным, потому что другие, подобные ей, силы не перешли из *возможности* в действительность. И когда нам говорят: а что было бы, если бы не было Наполеона, то наше *воображение* путается и нам кажется, что без него совсем не могло бы совершиться все то общественное движение, на котором основывалась его сила и влияние»¹.

Работа «К вопросу о роли личности в истории» написана автором настолько ярко и талантливо, что мы не видим смысла в подробном

¹ Плеханов Г.В. Собр. соч. Т. 8. С. 298.

пересказе ее содержания. Читатель это легко сумеет сделать и без нас и притом с гораздо большей пользой для себя. Мы же воспользуемся названной работой, чтобы с тех же позиций, что и Плеханов, проанализировать нынешнюю ситуацию в сегодняшней России, где уже более двух десятилетий во власти находятся люди, отвергающие социалистическую перспективу развития российского общества.

Можно ли хотя бы одну из ниженазванных личностей (назовем их тем не менее историческими, т. к. какой-то след в истории они все же оставили) (М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин и, наконец, Д.А. Медведев) назвать пусть не великой, но хотя бы по большому счету крупной исторической личностью? При этом мы имеем в виду и их самих и, безусловно, ближайшее окружение. Наш ответ: ни одной, и не столько в силу полного отсутствия у этих людей каких-то заметных способностей. Способности у них, пожалуй, что и были, но этого совершенно недостаточно, чтобы быть признанными великой исторической личностью. Причина, почему мы их не считаем этих политиков великими, в том, что каждый из них, оказавшись у власти, по-видимому отдавал себе отчет, что ему надо что-то сделать, как-то себя отличить, но что и как, они правильно решить так-таки не смогли. Чтобы повести за собой людей, требуется правильно определить цель, которая бы отвечала интересам подавляющего большинства. Такой цели никто из названных политиков поставить не сумел. Каждому представлялось, что действовать он должен не так, как действовали его предшественники, а вот у кого им следует подучиться, они надеялись услышать от своих советников. Советники Горбачева (Яковлев и К^о) советовали ему идти по стопам деятелей «Пражской весны», советники Ельцина (Гайдар и др.) убедили его строить в России капитализм по западному образцу, советники Медведева – продолжать курс Ельцина, но по возможности не на базе шоковой терапии. Здесь мы отходим стороной фигуру В.В. Путина – своеобразного российского политика, который поставил вопрос перед Западом о необходимости считаться с суверенитетом нашей страны.

В целом надо заметить, что результаты их деятельности мало отличаются между собой, и это нетрудно объяснить. Стране было предложено сменить вектор отечественного развития, поскольку до того нынешние российские политики без оснований уверовали в то, что марксов анализ развития истории оказался неверным. В действительности именно материалистический анализ подтверждается как всем прошлым, так и нынешним ходом развития истории. Однако такой анализ ни в коем случае не должен быть поверхностным. К. Маркс убедительно доказал, что капитализм не способен избавиться от кризисов перепроизводства. Разве это положение с новой силой не подтвердил мировой кризис 2008 г.? Маркс объяснял вооруженные конфликты тем, что капитал стремится максимально расширить сферу своего влияния, распространив его на всю планету. Разве США и их союзники не совершили только в последние два десятилетия многочисленные акты агрессии в отношении Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии, Сирии и других неудобных им стран? Все это имело

место, и от своих агрессивных устремлений страны НАТО отказываться и ныне не собираются. Разве разрыв в уровне жизни между странами Запада и остальным миром начал заметно сокращаться? Да ничего подобного. Разрыв между богатством и бедностью на планете никуда не девался. Народы многих стран Африки и не только этого континента находятся на грани выживания, да и перед нашей страной эта проблема сегодня стоит крайне серьезно. Приведенные факты настолько хорошо известны всем, что очень многие нередко просто перестают над ними задумываться, явно надеясь «на авось». А между тем эти факты говорят о том, что современное капиталистическое общество – это тяжело больной организм, который требует своего кардинального излечения. Но вся беда в том, что лечить это паразитическое общество бесполезно. Пока господствует капитал, каждый раз он будет воспроизводить на одном из своих полюсов богатство, тогда как на другом – бедность. Мы должны четко осознать одну вещь: путь капиталистического развития ничего хорошего человечеству за 300 лет истории не принес, и даже не сулит. Что же касается России, то для нее он, на наш взгляд, просто губелен и даже не в отдаленной, как для Запада, а в самой ближайшей перспективе. Нынешняя российская власть выбрала капиталистический путь развития, и всякий раз, подтверждая правильность такого выбора, приводит в доказательство свой козырный аргумент, что люди за эту власть постоянно голосуют. Для нас это не убедительный аргумент. Пролетариат в ходе буржуазных революций активно поддерживал буржуазию, борясь в то время с врагами своих врагов, но не потому, что сумел буржуазию полюбить. Позднее, осознав противоположность собственных интересов интересам буржуазии, данный класс приходит к осмыслению необходимости участвовать в политической борьбе уже против буржуазии, о чем кстати хорошо писал Г.В. Плеханов в своих ранних марксистских работах. Культурные немцы в 1933 г. демократическим путем привели к власти национал-социалистов Гитлера. Разве это не было с их стороны величайшей исторической ошибкой? Да, наши люди в середине 80-х гг. слушали и верили Горбачеву и К^о, позже Ельцину и его пропаганде, и на достаточно сомнительных выборах отдавали тем свои голоса. Но что это доказывает? Только то, что отнюдь не все те, кого народ избирает в высшие органы власти страны, являются в истинном смысле народными избранниками. Они плохо осознают, за кого на самом деле голосуют, а ведь должны осознавать. Людям труда учение Маркса необходимо как воздух. Оно помогает им быстрее избавляться от общественных иллюзий, которые, кстати говоря, антинародные режимы сознательно насаждают и поддерживают в обществе. Постараемся объяснить, почему нынешний политический режим, с нашей точки зрения, которую мы считаем не только своей, но вдобавок еще и марксистской, не может считаться следствием свободного волеизъявления российских граждан. По-настоящему ни одного из последних политических лидеров народ до выборов не знал, но он их принял, потому что до этого успел жестоко разочароваться в Ельцине. На месте грубого, невежественного, неработающего президента людям хотелось

иметь нечто прямо противоположное (молодого, работоспособного, человека). Иначе говоря, люди голосовали не за приемников Ельцина, а против Ельцина, которого они к тому времени слишком хорошо узнали и терпеть не желали. Партия «Единая Россия» настойчиво поддерживала иллюзию того, что с уходом Ельцина в стране появился совсем Новый Президент. Но совсем Новый Президент у нас тем не менее не появился, а появился разве что имидж Нового Президента. Почему мы так говорим? Да потому, что Новый Президент должен был, чтобы доказать, что он действительно Новый, опираться абсолютно не на те силы, на которые, находясь у власти, опирался Ельцин. Его опора всем известна – это российские олигархи. Путин оттеснил от власти нескольких слишком уж рьяных представителей новой олигархической династии, но остальная часть осталась на своих местах, а отстраненные – при оставленных им в их полное распоряжение капиталах, награбленных в годы приватизации.

Итак, мы живем отнюдь не в демократическом, как нас двадцать лет убеждают, государстве, а в буржуазной олигархической стране, которой управляет не президент вместе с парламентом (хотя и то, и другое у нас имеется), а класс олигархов с их домочадцами и многочисленной хорошо оплачиваемой ими службой и чиновниками в придачу. Последние вроде бы не имеют многомиллиардной собственности (хотя и это не так), но зато имеют необычайно высокие оклады, а главное возможность постоянно брать взятки и воровать. Вся остальная часть населения – это противоположный олигархату класс людей, лишенных собственности, а потому вынужденных становиться наемными работниками. Нам пытаются втолковать, что у нас есть еще помимо наемных работников мелкий и средний бизнес, и что именно он должен со временем стать опорой российского государства в издевку называемого сегодня **социальным**. Иначе говоря, социальная структура российского общества изображается средствами массовой информации существующей власти как состоящая из трех классов (крупный бизнес, бизнес мелкий и средний и, наконец, наемные работники). Согласимся на минуту, что мы в самом деле живем в обществе, состоящем из вышеперечисленных трех классов. Что же это на самом деле за общество? Ответ прост: это российское капиталистическое общество, поскольку основные средства производства принадлежат в нем частному капиталу. И стоит заметить, что власть даже не ставит под сомнение классовую природу нынешнего российского государства. Она только утверждает, что в перспективе править страной будут уже не сегодняшние олигархи, а со временем поднявшийся (называют цифру до 50% населения и больше) «средний класс». Попробуем, однако, разобраться, на чем строится предположение о быстром росте численности и экономической мощи пока что фактически отсутствующего у нас «среднего класса». В марксовской терминологии понятие «средний класс» не фигурировало, ибо такой «класс» «комплектуется» из самых разных социальных слоев от низшего «среднего класса» до среднего и высшего. Уровень жизни каждого из трех названных слоев существенно отличается от двух других. Но это еще далеко не все.

Представляет ли этот весьма проблематичный по составу «средний класс» (марксисты предпочитают употреблять другой термин «средние слои») постоянную общественную величину? Разумеется, нет. «Средний класс» растет или, напротив, сокращается в своей численности в зависимости от того, насколько успешно развивается то или иное капиталистическое общество. Когда наступает кризис (а в условиях капиталистической экономики кризисы – явление постоянное), то успешно пережить его сумеет разве что очень крупный капитал, да и то – не факт, но никак не средний и не мелкий. Что же получается? А получается то, что «средний класс» постоянно оказывается в положении эквилибриста: то ли сумеет на время сохраниться, то ли окончательно исчезнет. И вот на этот «класс» нынешняя власть сделала главную свою ставку. Но ведь она сама призналась, что недавний кризис разорил наш мелкий и средний бизнес. Занимательным оказывается этот, с позволения сказать, «бизнес». В период кризисов он первым начинает разоряться, а после его завершения, как нас хотят убедить, вновь распускает ветви, как будто бы с ним ничего до этого не случилось. Это только в сказках, чтобы вернуться к новой жизни после наступления смерти умершему достаточно выпить живой воды и откусать молодильных яблок. Разорившемуся же предпринимателю для возобновления разрушенного бизнеса нужны новые большие средства. Где он их возьмет, если старый бизнес у него прогорел? Об этом наши сегодняшние лидеры предпочитают умалчивать, как если бы капиталистическое развитие страны не создавало нашим гражданам никаких проблем. Вопрос о направлении развития России представляется нынешней Властью решенным раз и навсегда. В этом она оказывается достойной преемницей курса Ельцина. Верно, что во внешней политике у сегодняшней власти наметились какие-то подвижки в сравнении с внешнеполитическим курсом Ельцина, но не стоит забывать, что внешняя политика всегда и везде будет определяться политикой внутренней, а если Власть озабочена тем, чтобы ни при каких условиях не обижать олигархов, а остальным представляет неограниченную возможность самим разбираться со своими проблемами, то это значит, что она может в какой-то неприятной для себя ситуации поступиться общенациональными интересами. И это мы время от времени ощущаем в отношениях России с нашими, как принято теперь их называть, западными партнерами.

Говоря о классовой природе современной российской государственной власти, мы не можем ни обратить внимания на один, безусловно, знаковый в ее поведении, момент. Обществу непрерывно подбрасывается идея, что постсоветская Россия продолжает и развивает далее лучшие традиции дореволюционной России. Сказанное подчеркивается и принятием дореволюционной государственной символики и в воссоздании некогда существовавших в России институтов власти, в переименовании названий советских улиц и городов. Но все это только внешняя сторона вопроса, за которой скрывается нечто более серьезное. Сегодняшняя Власть хотела бы видеть себя продолжательницей «великого дела» царского премьера П. Столыпина. Он для Ельцина, Черномырдина и сегодняшних российских

руководителей – никем непревзойденный русский политик. Как часто приходится слышать: не будь Столыпин убит студентом-террористом, Россия бы без всяких революций давно превратилась бы в самое мощное государство, какового история еще не знала. Разумеется, все подобного рода спекуляции – это, говоря словами Плеханова, не более чем оптический самообман (искусственное вздувание одного из видных царских чиновников начала XX в.), но главное здесь в другом – в приписывании отдельной личности способности кардинально менять ход исторического развития, к тому же не одной только нашей страны, а еще и человечества в целом. Мы готовы с позиций исторического материализма доказать абсурдность непомерного обожествления Петра Столыпина. Во-первых, реформы, призванные превратить царскую Россию в седьмое чудо света, были начаты Столыпиным в 1906 г. (умер же он, как известно, в 1911 г.). Значит, более пяти лет энергичный реформатор имел безусловную возможность спокойно проводить свои замыслы в жизнь. Революция в те годы (1907–1911) отступила и никаких особо серьезных помех в преобразовании России Столыпин в те годы не испытывал, во всяком случае, со стороны его главных противников – русских социал-демократов. Не надо, однако, забывать, что развитие России протекало не в безвоздушном пространстве. Другие страны (к примеру, Германия, США) за эти годы развивались самими что ни на есть быстрыми темпами, и они отнюдь не собирались ждать того дня, когда обновленная Столыпиным Россия сумеет поставить остальной мир далеко позади себя.

С начала XX столетия крупнейшие мировые державы готовили мировую войну и к 1911 г., скорое наступление сей чудовищной мировой катастрофы уже явственно давало о себе знать. Мировая война, разразившаяся буквально через три года после смерти Столыпина (избежать ее в то время было невозможно), не смогла не втянуть Россию в начавшуюся мировую бойню. Напомним, что как раз эта война вызвала целый ряд революций в Европе, включая аж две – в России. Наконец, не нужно игнорировать еще одного важного обстоятельства. Столыпин проводил буржуазные реформы в стране, где сохранялось, в отличие от стран Запада, самодержавие. Иначе говоря, политической властью буржуазия в нашей стране не обладала. Мало того, имеющий власть царствующий монарх Николай II делиться ей с русской буржуазией не торопился, а это означало, что у Столыпина в любой момент могли возникнуть неразрешимые трудности в реализации его программы буржуазных реформ только не со стороны «невежественных» революционеров, а со стороны самого императора и его ближайшего окружения, и в этом случае царскому сановнику не осталось бы ничего другого, как самому добровольно уйти в отставку. Получается, что все разговоры о возможности в начале XX в. русского самодержавия превратиться в этакое подобие английской королевы на русском престоле основываются не на фактах, а на беспочвенных фантазиях, которые можно бесконечно долго развивать, но в которые нельзя поверить. Прогнозы же марксистов о том, что скорая народная революция не

обойдет Россию, напротив, подтвердилось, несмотря на то, что самодержавие и после Столыпина делало все, чтобы этого не допустить. Иначе говоря, жизнь подтвердила марксистский прогноз о том, что самодержавный строй в России может быть сметен только революцией масс.

В заключении рассмотрим еще одну, быть может лучшую из плехановских работ – его брошюру «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Впервые эта работа появилась на русском языке вполне легально в 1894 г. В дальнейшем она неоднократно переиздавалась как до революции, так и в советское время. В этой работе Г.В. Плеханову удалось удивительно полно проявить свой незаурядный литературный талант писателя и мыслителя. Плеханов обладал обширными познаниями в самых разных областях общественности (философии, религии, истории, политэкономии, литературе, искусстве и т. д.). Язык его работ отличается завораживающей легкостью, он не засорен словами-паразитами, включает в себя массу пословиц, поговорок, исторических примеров, художественных образов и, наконец, литературных сравнений, почерпнутых из большого числа произведений отечественной и западноевропейской литературы. Читать Плеханова сплошное наслаждение, но это не означает, что чтение его работ не требует напряженного труда, ведь каждую мысль, которую он высказывает, автор старается донести до читателя во всей ее глубине. Он не любит пустых, но хлестких фраз, за которыми ничего не стоит кроме желания показать себя. Плеханов может едко высмеять своего оппонента, но не с целью его унижить, а для того, чтобы отстоять истину в процессе спора. Работа, которой мы завершаем анализ философских воззрений Г.В. Плеханова, давно уже признана марксистскими авторами образцовой марксистской работой, вполне сравнимой по глубине и эрудиции ее автора даже с такой замечательной книгой Ф. Энгельса, каковой, на наш взгляд, является «Анти-Дюринг». Разумеется, между двумя названными работами имеются и различия. Энгельс в упомянутой нами работе рассматривает учение К. Маркса в единстве всех его основных частей. Плеханов ограничивается объяснением сути материалистической концепции истории, но, как и Ф. Энгельс, он в своей работе «К вопросу о монистическом взгляде на историю» подробно разъясняет, что материализм в понимании истории явился результатом долгих поисков многих выдающихся мыслителей прошлого. Этот поиск начинался в XVIII в., а завершился лишь к середине XIX в.

Внимательное чтение работ Г.В. Плеханова приводит вдумчивого читателя к выводу, что им на протяжении всей его литературной жизни и революционной деятельности владело две сильные человеческие страсти. Первая – огромная любовь к своей стране и ее народу, поработенному царским самодержавием. Эта страсть сделала из Плеханова убежденного и решительного революционера уже в молодые годы. Другая – желание глубже познать истину. Эта вторая его страсть привела к тому, что Плеханов досконально изучил историю развития общественной мысли как в его собственной стране, так и за ее пределами. Осмысление Плехановым хода

исторического развития, механизма действия общественных законов помогли ему правильно понять и глубоко оценить основные мысли его учителей: К. Маркса и Ф. Энгельса. До конца жизни он с гордостью именовал себя их учеником. Все новые события истории Плеханов всякий раз старался осмысливать с позиций марксова методологического подхода к истории. Сказанное целиком подтверждает и рассматриваемая нами здесь его работа «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Цель данной брошюры, по замыслу автора, состояла в том, чтобы показать, что развитие философского материализма не могло ни привести к появлению той высшей его формы, которой явился диалектический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса. Говоря другими словами, марксизм завершает длительный поиск философами той философии, которая полнее остальных сумела выразить объективную потребность движения общества по пути прогресса.

Что особо удивляет, если не сказать восхищает непредубежденного читателя данной работы, так это прекрасное знание Плехановым истории философских, общественно-политических, экономических и исторических воззрений человечества на протяжении всей его истории. Мы уверены, что Плеханов так страстно и решительно не защищал бы марксизм от попыток его извратить с помощью разного рода «критик», если бы к моменту его знакомства с воззрениями основоположников научного социализма он не сумел бы исключительно глубоко изучить сильные и слабые стороны тех многочисленных историко-философских концепций, которые предшествовали революционному перевороту не только в философии, но и в общественном сознании в целом, который удалось осуществить К. Марксу и Ф. Энгельсу к середине XIX в.

Рассматриваемую работу Плеханов открывает анализом взглядов французских материалистов XVIII в. Последние смотрели на человека как на естественный продукт природы. Положительным в их взгляде было то, что данное воззрение решительно отвергало точку зрения теологов о сотворении мира из ничего. Вместе с тем, этот механистический материализм покидал позиции научного естествознания, когда домарксовым материалистам требовалось объяснять причины уже общественного развития. Поскольку природа, с точки зрения старого, метафизического материализма, представлялась неизменной, то отсюда и природа человека воспринималась ими также как неизменная. Но в таком случае становился необъясним факт появления на свет новых исторических, нравственных, политических и других взглядов, а также многочисленных институтов в обществе, новых открытий в науке и многое, многое другое. Короче требовалось объяснить причины исторического развития, прогресс общества, но если природа человека не способна меняться, то и вся жизнь общества должна замереть. Способна ли неменяющаяся причина вызывать изменения общества? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным, но исторические факты свидетельствовали о том, что история никогда не стояла на одном месте, что она менялась. Почему на смену рабству и феодализму пришел в дальнейшем

капитализм, почему исчезли великие империи прошлого, которые до того успешно поработали другие народы и т. д.? На эти и подобные им вопросы, оставаясь на позиции признания неизменной природы людей, ответов не находилось, и единственное объяснение, которое приходило философам на ум, свелось к утверждению, что двигателем исторического прогресса выступает развивающийся Разум. Разум, поскольку он непрерывно обогащается все новыми и новыми знаниями, может благодаря этому своему качеству двигать вперед историческое развитие.

Данный тезис был впервые сформулирован просветителями XVIII в. как раз в том виде, в каком мы его только что привели (Разум правит миром), к числу которых принадлежали авторы известной «Системы природы» во главе с П. Гольбахом. Этим тезисом убежденные материалисты в понимании природы, обращаясь к объяснению общественной жизни, вставали уже на прямо противоположную идеалистическую позицию: сознание людей (их Разум), с их точки зрения, определяет и их бытие.

Идеи просветителей, надо заметить, дали теоретическое обоснование разумности и справедливости революционного устранения отжившего свой век французского абсолютизма. Однако с окончанием французской революции, передавшей власть в стране буржуазии, выяснилось, что на смену антагонизма старых классов феодального общества пришел антагонизм совсем других классов, но теперь уже буржуазного общества. Идея заменить неразумное старое общество новым, знаменующим собой торжество на планете царства свободы, равенства и братства, оказалась на поверку не более, как иллюзией, и когда это, наконец, выяснилось прежним упованиям на бесконечную силу Разума должен был придти конец.

С другой стороны, французские историки первой трети XIX в., изучавшие ход Великой Французской революции (Гизо, Менье, Тьер и Тьерри), выяснили, что общественные сословия, боровшиеся за власть, преследовали отнюдь не какие-то идеальные, а вполне материальные цели: отменить феодальную собственность, заменив ее буржуазной. В результате сама классовая борьба третьего сословия против двух первых предстала в глазах общественности Франции, а позднее и других стран не как длительная цепь непонятных столкновений людей между собой, не имеющих другой цели, как только покарать зло во имя добра и справедливости, а как целенаправленная борьба угнетенного класса против класса, до того его угнетавшего, за свое реальное освобождение. Впрочем, классовая борьба в качестве закономерности исторического развития признавалась французскими буржуазными историками ровно до того момента, пока буржуазия еще только шла к власти. После того, как она ее получила, классовой борьбе, по их утверждениям, должен был придти конец. До выяснения экономических основ ведущейся во Франции на рубеже XVIII–XIX вв. классовой борьбы общественное сознание французского общества в 30-х гг. XIX в. еще не поднялось.

Впрочем, в первые десятилетия после окончания французской буржуазной революции в той же Франции появляются ранние социалисты,

выражавшие поначалу интересы еще не пролетариата, который в то время еще не сформировался, а класса, который ему исторически предшествовал. Утописты обратили внимание на то, что буржуазное общество, колоссально развив производительные силы, привело новое общество не к процветанию, а к увеличению бедности. Причину этого утописты прозорливо связывали с господством в капиталистическом обществе частной собственности. Избавить данное общество от пауперизации основной массы его членов они считали вполне возможным посредством изъятия собственности из рук немногих, передачи ее в собственность всего общества, которое сумеет справедливо перераспределить общественный продукт в интересах всех.

Основная ошибка социалистов-утопистов заключалась в том, что вплотную подойдя к уяснению вопроса о роли общественного производства как вероятного двигателя общественного развития, они не осмыслили того, что способ распределения общественного продукта есть другая сторона того же самого буржуазного способа производства, который уже многократно увеличил общественное богатство. Следовательно, только изменив отношения людей в процессе самого производства общественных продуктов можно было рассчитывать на справедливое распределение создаваемых обществом продуктов человеческого труда.

Еще одна серьезная теоретическая ошибка социалистов-утопистов заключалась в том, что природу существовавшего в то время социального организма они выводили не из природы утвердившихся в нем общественных отношений, т. е. экономического базиса общества, а из все той же будто бы неизменной природы человека, о которой до них рассуждали все домарксовы материалисты. При этом вновь и вновь возникал все тот же так и не получивший удовлетворительного разрешения вопрос: как неизменная природа человека может стать причиной в одном случае несправедливого (капитализм), а в другом – уже справедливого (социализм) распределения продуктов человеческого труда. В такой ситуации утопистам ничего не оставалось, как возлагать свои оптимистические надежды на случай, который для науки остается пустым звуком. Ближе других к осмыслению механизма **саморазвития** общества подошел, как бы это не показалось кому-то странным, Гегель. Он был идеалистом, а потому движущую причину развития истории объяснял действием в истории Абсолютного Разума. Последний, согласно Гегелю, находясь в непрерывном движении, по мере осознания себя проходит ранние этапы мировой истории, переходя к следующим, пока не достигнет самой высшей фазы, на которой мировой исторический процесс должен окончательно завершаться после того, как Абсолютная Идея познает самую себя. Как видим, Гегель признал самодвижение исторического процесса, но причина последнего оказалась у него вынесенной за границы реального человеческого общества.

К. Маркс сумел встать на позиции материализма в истории вследствие того, что первым из философов осознал, что человек, живущий в обществе, действует в нем не как изолированный индивид, а как человек общественный. Общественная природа индивида определяется в первую

очередь производственными отношениями, а эти последние зависят, как было установлено, от уровня развития производительных сил данного общества. Вместе (производительные силы и производственные отношения) составляют способ производства, которым отличаются одни общественно-экономические формации от других. Способ производства материальных благ – это и есть та, так долго отыскиваемая философами, причина непрерывного движения человеческого общества, которую мыслители прошлого искали, но не находили в Разуме, а потому вынуждены были всякий раз привносить ее в общество **извне**. А она, скрытая от их взора, как раз и обеспечивает непрерывность поступательного движения истории.

Способ, которым общество воздействует на окружающую его Природу, – фактор, действующий непрерывно, но одновременно с этим и постоянно меняющийся. Таким образом, непрерывно развивающийся способ производства вследствие его постоянного изменения вызывает тем самым непрерывное изменение общества в целом. В результате исторический процесс переходит от одного своего исторического этапа к другому, никогда не заканчиваясь, а напротив, возобновляясь вновь и вновь. «До Маркса, – писал Г.В. Плеханов, – люди общественной науки исходили из понятия о человеческой природе; благодаря этому оставались неразрешенными важнейшие вопросы человеческого развития. Учение Маркса придало делу совершенно другой оборот: *между тем как человек для поддержания своего существования воздействует на природу вне его, он изменяет свою собственную природу*. Следовательно, дело научного объяснения исторического развития надо начинать с противоположного конца: надо выяснить, каким образом совершается этот процесс производительного воздействия человека на внешнюю природу. По своей великой важности для науки это открытие может быть смело поставлено наряду с открытием Коперника и вообще наряду с величайшими, плодотворнейшими научными открытиями»¹.

¹ Плеханов Г.В. Собр. соч. Т. 7. С. 187–188.